

Размышляя об этом, 1385 прочистил горло и произнес:

— Хозяин, мой папа никогда не действовал по правилам, так что лучше не обращай на него внимания! Ты только что спросил, стоит ли оно того, но его запись сбила меня с толку, и теперь я отвечаю тебе. Жил-был один великий альпинист, который покорил множество высот, но в итоге погиб во время схода лавины. На его надгробии высечены такие слова: Я скорее предпочту погибнуть сам, чем позволю разрушить гору, ставшую моим идеалом! Хозяин, я хочу сказать тебе, что я — хорошая система с идеалами и стремлениями. В глубине души я готов скорее быть уничтоженным, чем причинить тебе вред. Даже если папа прикажет мне ранить тебя, я предпочту умереть, но не подчинюсь! Ведь ты, хозяин, и есть та самая гора, мой идеал!

Поэтому я никогда не стану таким же злодеем, как мой отец!

Ты можешь мне не верить, но я всегда буду защищать тебя. Папа говорил, что человеческие сердца переменчивы, но если система создана, она будет следовать своим настройкам до конца... даже если мир превратится в прах.

Папа также говорил, что знает, как легко всё портится, и даже его любовь к Фан Юю не обязательно будет вечной. Но в тот миг, когда он создавал 1385, любовь к Фан Юю, которую он хранил в сердце, была настоящей.

Разве может миг проиграть вечности? Нет!

Если любовь одного мгновения застыла, она становится вечностью! А 1385 — это и есть застывшая любовь того мгновения. Да, 1385 — это самая крутая система в истории, созданная папой с помощью бессмертной Божественности!

Ха-ха-ха, вот какой я классный!

Внутри 1385 пылал огонь, однако Фан Юй долго молчал, а затем произнес:

— Ты слишком много болтаешь, прямо как твой странный папа.

— Что???

Холодный голос Фан Юя прозвучал снова:

— Если тебе действительно плевать, какой я на самом деле, и ты можешь безоговорочно принимать меня, то я не стану испытывать особой благодарности. Если сможешь выносить мою холодность — оставайся, но при условии: без моего разрешения не открывать рта и не сметь самовольно использовать всякие программы вроде Руки отличника! Если не согласен, можешь стереть меня. Я не настолько жалок, чтобы ради выживания в параллельном мире влачить жалкое существование и во всем уступать.

Выслушав это, 1385 внезапно понял, что такое разбитое сердце. Это было странно, больно, но дарило ощущение, что он по-настоящему жив!

— Может, папа, создавая меня, знал, что у Фан Юя такой ядовитый язык, и поэтому настроил мой характер как у мазохиста? Оказывается, я не философская натура, а просто люблю, когда меня мучают?

— Нет, хозяин, ты — смысл моей жизни! Как я могу стереть тебя? — взвыл 1385. — В этом мире больше никто не подарит мне такой пронзительной боли! Не хочешь меня слушать — это просто. Стоит тебе сказать Я тебя люблю, и я перейду в спящий режим! А если захочешь меня увидеть, просто скажи Мне нужна помощь.

Услышав это, Фан Юй почувствовал укол совести, осознав, что перегнул палку. Если подумать, если бы он сам не сказал Ли И фразу о том, что тот может протянуть ему руку помощи, когда он в ней нуждается, 1385, возможно, и не появился бы.

— Ладно, я тебя люблю.

— Хи-хи, — 1385 глупо захихикал. Хотя он знал, что Фан Юй сказал это неискренне, от этого сладкого чувства ему стало тепло. Но... — Хозяин, это нельзя говорить в мыслях, нужно произнести вслух, как тогда, когда ты призывал меня. Только так это будет считаться!

Фан Юй невольно вздохнул.

Ли И, услышав этот вздох, с любопытством взглянул на Фан Юя. Он увидел, как тот едва заметно шевельнул губами и тихо прошептал:

— Я тебя люблю.

— Что???

Ли И поперхнулся.

В голове у Фан Юя воцарилась тишина, и суета его соседа по парте стала особенно заметной. Реакция Ли И заставила Фан Юя почувствовать неловкость: неужели тот услышал его слова?

— Что случилось? Ты в порядке? — осторожно спросил Фан Юй.

Ли И, чье лицо покраснело от смущения, совершенно потерял способность соображать и только твердил:

— Все нормально, нормально, нормально...

Ну что ж, раз ты хочешь притвориться, что ничего не слышал, я не буду ничего объяснять.

Фан Юю стало легче, и он перестал обращать внимание на Ли И. Он опустил голову, глядя на домашнюю работу по языку, математике и иностранному, которую выполнил с невероятной скоростью, пока беседовал с 1385, и нахмурился.

Если бы он встретил 1385 в четырнадцать лет, то наверняка стал бы зависимым от этой системы. Как наркоман, он упивался бы достижениями, которые дарит 1385, и разучился бы думать самостоятельно.

Это ужасно, как можно так жить?! Пальцы Фан Юя, сжимавшие тетрадь, побелели от напряжения. В этой жизни он не должен поддаваться на сладкие обещания. Если он снова погибнет из-за какой-то случайности, это будет просто смешно!

Фан Юй не был глуп: ремень безопасности не мог порваться сам по себе. Он не подозревал

своего простодушного друга Линь Чжисюна, но кто-то определенно хотел его смерти.

И Фан Юй уже догадывался, кто это мог быть.

Фан Юй никогда не был человеком, склонным к четкому планированию, напротив, в нем была врожденная небрежность. Из-за этого он никогда не следил за выражением своего лица. Когда в средней школе его родители внезапно ушли из жизни, он надолго замкнулся в себе. Другие говорили, что у него каменное лицо, ну и пусть. Мать родила его таким, зачем меняться ради посторонних людей?

А те, кто был ему по-настоящему дорог, никогда не упрекали его в отсутствии эмоций.

Значит, незачем и меняться. Все равно это не сделает его счастливее.

С такими мыслями в прошлой жизни Фан Юй нажил немало врагов, в числе которых был и Ли И.

В этой жизни Фан Юй вел себя с семьей чуть мягче, но старые привычки трудно искоренить, и в школе он оставался таким же невыносимым. Хотя он больше не был вечно невозмутимым, общение с ним все еще вводило одноклассников в ступор.

Например, сейчас староста класса Чжан Хэя пришла собирать тетради. Она обнаружила, что Фан Юй, который никогда не делал уроки, аккуратно выполнил все задания, и не удержалась от искренней похвалы:

— Вау, учитель был прав: почерк отражает характер. Когда ты пишешь старательно, это выглядит очень красиво!

Чжан Хэя была миловидной девушкой, доброй и отзывчивой, ее уважал даже такой хулиган, как Ли И. Сегодня она сделала комплимент Фан Юю не только потому, что он считался первым красавчиком класса, но и чтобы поддержать политику поощрения отстающих учеников. Однако Фан Юй, услышав похвалу от симпатичной девушки, рассеянно ответил:

— Это писал не я.

Это была программа Рука отличника, появившаяся неизвестно откуда.

Чжан Хэя опешила, неловко рассмеялась и ушла.

Отличник слишком холоден, мне, простой ученице, до него не дотянуться!

Ли И, который видел весь процесс списывания, не удержался и спросил:

— Зачем ты так разговариваешь с девушкой? Никакого воспитания! Ты же сам это написал, зачем отпираться?

Неужели он застеснялся?

После этого вопроса Ли И пустился в размышления. Фан Юй рефлексивно моргнул — этот жест он часто использовал на Континенте Тяньянь, когда сталкивался со своим бессовестным учителем Цзянь Янем. Это означало не миловидность, а: О нет, возникла сложная проблема,

что же мне делать?

— О, но это правда писал не я, — Фан Юй, конечно, не мог рассказать о 1385. — Я списал.

Он мысленно похвалил себя за находчивость, не подозревая, что это детское оправдание только убедило Ли И: Фан Юй — бревно, которое просто застеснялось похвалы и теперь строит из себя неприступного, чтобы скрыть свое неумение общаться.

Связав это с недавним Я тебя люблю, Ли И самодовольно спросил:

— Ты что, влюбился в Чжан Хэю?

— А? — Фан Юй не понял, почему Ли И вдруг спросил об этом. И вообще, кто такая Чжан Хэя?

Человек, который совершенно не помнил имен старост своего класса.

— Ха, не прикидывайся, — Ли И фыркнул. — Нравится тебе она, а ты только втихаря можешь об этом говорить, а когда она подходит, строишь из себя безразличного. Трус. Если бы ты не хотел признаться ей в чувствах, стал бы такой лентяй, как ты, просить у меня тетрадь и выводить каждую букву?

— Я не... — недоразумение зашло слишком далеко. Фан Юй подумал: как он раньше не замечал, что Ли И — мастер додумывать за других?

— Ха, — Ли И не слушал оправданий, он был уверен в своей правоте и даже злорадствовал: — Обычно ты даже не смотришь на любовные письма, которые тебе присылают, такой высокомерный, что мне хотелось тебе врезать. А теперь сам попал впросак, вот уж ирония судьбы!

— Я не люблю Чжан Хэю, — Фан Юй хотел прояснить ситуацию, чтобы Ли И не распускал слухи. — Я никогда не читал любовных писем, потому что мне не нужны лишние чувства. К тому же я когда-то обещал одной девочке, что в этой жизни не буду держать за руку никого, кроме нее.

Ли И был в шоке:

— Значит, та фраза Я тебя люблю, которую ты так нежно произнес, была адресована той самой девушке, о которой ты вспомнил, пока писал уроки? Не ожидал, что ты такой однолюб, это даже смешно.

— М-да... — стоит ли объяснять дальше? Не объяснишь — плохо, а начнешь объяснять — станет еще хуже. Что делать?

<http://bllate.org/book/21676/2236067>